

Игорь Потоцкий

Непричесанная звезда

Непричесанная звезда

Непричесанная звезда на небосклоне пустом.
Все остальные от зависти потеряли свой блеск.
Бедный ангел на этой звезде вывел пером
гусиным, что Н. Н., поэт, сегодня воскрес.
Пуля, посланная врагом, не посмела его задеть,
два века списаны и не уцелел архив.
Сердце поэта покоилось на вот этой звезде,
но чтобы его вернуть, потребовался взрыв.

И взорвалась вселенная, но молчком,
будто это случилось в каком-то секретном сне.
И только над Москвою тридцать семь раз гром
прозвучал, а молния стала ближе речной волне.
И вот воскресший поэт дописывает свой стих,
и его дело из архива уплывает в ничто.
И три тысячи молоденьких дев стихами больных
улыбаются нежно, возвышенно и светло.

Через три месяца подписывает в печать
поэт огромный том, в нем его прошлая жизнь.
Критикам этого тома вовек не понять,
вот они и отправляют стихи не наверх, а вниз,
не ведая, что эти строчки уже идут напролом –
в штыковую атаку, они – как лес...

Причесанная звезда на небосклоне пустом,
все остальные от зависти потеряли свой блеск.

Одесский двор

Той музыкой из окон, что когда-то
лилась, как дождь, не признавая зла,
наполнен двор, и вновь не виновата
та девочка, что от меня ушла.
Она вступила в круг воспоминаний,
где странный стих, затертый, как пятак,
пророчил мне не череду страданий,
а птичий лепет и кромешный мрак.
Да, я себя не чувствовал героем,
когда она просила: «Помолчи!»
И тополя лиловые шли строем,
теряясь в наступающей ночи.
Но как звенели сотни две мелодий,
блуждая в кронах этих тополей,
и каждая шептала, что в природе
нет страшных красок и плохих вестей.
Казалось, счастье из оконной рамы
выпархивало, как большой птенец,
и на войне полученные раны
не мучили – смеялся мой отец.

Памяти Поля Целана

Вот ты склонилась над книгой Поля Целана,
учишь стихи на память, плачешь, но вновь без слез.
Господи, как опять ты мне дорога и желанна...
– Милый, ты не обманываешь?
– Нет, написал всерьез.

Снова стоим над Сеной, куда он пришел однажды,
последние стихотворения зажав в своем кулаке,
и в холодные волны прыгнул поэт отважно,
тонет стихотворение вместе с поэтом в реке.

Нам никого не жалко, даже себя не жалко,
но ты ко мне прижалась, чтобы меня спасти.
Мчится уже неотложка, мигает ее мигалка,
десять стихотворений я зажимаю в горсти.

Поэты уходят, осознавая ненужность,
из городов, из памяти, от звезд и тополей.
– Милый, я написала, что буду тебе послушна...
– Мне ничего не нужно, но ты меня пожалей.

Незавершенные рукописи проступают на глади
Сены, лицо поэта, остывший огонь его глаз.
Как ему было трудно без женских нежных объятий –
строчка застопорилась, новая не родилась.

Как часто своих поэтов хвалим мы после смерти,
кричим, что строчки их чиркают, как спички ночной порой.
– Милый мой, не отчаивайся – мы встретимся на рассвете...
– Мне ничего не нужно, только побудь со мной.

*

Я вынул строчку из контекста дня,
она легла, как нитка, на ладони,
она одна сегодня для меня,
и нет ее красивей и бездонней.
Я буду целый день ее шептать,
как благородны гласные, в которых
есть облака, платаны, моря гладь,
есть солнца луч и музыка, и горы.
Не смейтесь надо мною, мудрецы,

и не впадайте в многоговоренье,
когда платаны шепчут, как чтецы,
всего одну строку стихотворенья.

*

Дай мне свое лицо – грустны мои ладони –
и прошепчи сквозь снег: печалиться не смей.
Мне кажется опять, что голову уронишь
на грудь мою, и грусть, как стая снегирей,
взметнется к облакам, как тем минувшим летом,
где в памяти моей твои глаза, плечо,
еще твоя ладонь и голос смутным эхом,
еще твоя мольба: мой милый, горячо!..
Люблю тебя взახлеб, пишу с тебя икону,
боясь тебя задеть стремительным мазком.
И только две звезды на зимнем небосклоне,
и вновь платан скрипит возвышенным пером...

Стишок с банальными рифмами и сигаретой

С облаком, что обликом
кажется твоим,
я сижу за столиком
и пускаю дым.
Я рисую грустную
осень, листопад
и все жду, чтоб хрустнуло
сердце невтопад.
Память неизменная
снова станет жечь,
как благословенная
облачная речь.
Исчезаешь, вредная,

снова без следа,
а на небе бледная
вновь горит звезда.
Над осенней чащей
вновь из-за любви
та звезда все чаще
слезы льет свои.

